

УДК 930.1

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-11-27

БУГАЙ Николай Федорович
Институт российской истории Российской
академии наук
г. Москва, Россия
nikolay401@yandex.ru

Nikolai F. BUGAI
Institute of Russian History of the Russian
Academy of Sciences
Moscow, Russia
nikolay401@yandex.ru

**КРЫМ – КЕРЧЬ – КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ:
ОБЩНОСТЬ СУДЕБ, ЕДИНЫЕ ИНТЕРЕСЫ,
ТРАНСФОРМАЦИИ, ЦЕЛИ**

**CRIMEA – KERCH – KRASNODAR REGION:
COMMUNITY OF DESTINIES, COMMON
INTERESTS, TRANSFORMATIONS, GOALS**

События в Крыму марта 2014 г. в отношениях между Россией и бывшей ее составной частью – Крымом, несомненно, перевернули в буквальном смысле слова наше самосознание и национальное сознание. Сразу же заметно усилился и интерес к истории Крыма на разных этапах развития самой государственности. Практика творческой деятельности населения еще раз подтвердила, что в решении столь сложных вопросов, связанных с территориальными преобразованиями, должен торжествовать разум, а не легковесные выводы, даже если это вожди государства. И если практика базируется только на принципе волюнтаризма, история такого подхода никогда не простит. Однозначно, нельзя лидерам в подпитии дарить народы и территории. Для этого определяющим фактором выступает воля самого народа, населяющего эту территорию, это же относится и к передаваемой акватории прибрежных морей и океанов. Для этого определяющим фактором должна быть во все времена воля и доверие народов. Все то, что делается в политике против самого народа, крахнет. Сообщества получили яркий пример подобного решения проблемы Украиной. История расставляет мировой порядок по местам. Так было, и так будет. Это закономерность. В противном случае это нарушение такого социального фактора как доверие народов Крыма самой России и они его выразили в своем отношении на Всекрымском референдуме в 2014 году. Никакие усилия хунты Украины, ухищрения государств НАТО в данном случае не решат проблемы. Конкретно все базируется на одном из демократических принципов – консенсусе. Не достигнут он, значит, трудно добиться правового решения. Воля же, если даже она идет от трех лидеров, будет опрокинута силой истории. Автор обращается к одной из точечных проблем – контактам между соседними субъектами в современном понимании – Краснодарским краем и Крымом. В центре этих параллелей индустриально развивавшийся в недалеком прошлом город Керчь, город металлургов, мореплавателей, транспортников, строителей, город науки, «горд кузнецов», как его величали в далеком прошлом, город высокой культуры, где пересекаются культуры целых цивилизаций. В конкретном виде воспроизведена схема развития связей, совместной жизни и борьбы за сохранение целостности государства, развития районов Азовского бассейна, сотрудничества и взаимодействия, сохранение окружающей среды, экологии, прибрежной торговли, зарождение и развитие этих отношений в 1920-е – 1930-е годы. На все эти направления автором обращено внимание. Он реализует их, базируясь на богатых

The events in the Crimea in March 2014 in the relations between Russia and its former constituent part – the Crimea, undoubtedly turned our literal sense of self-consciousness and national consciousness. Immediately noticeably intensified and interest in the history of the Crimea at different stages of development of the state itself. The practice of creative activity of the population has once again confirmed that in resolving such complex issues connected with territorial transformations reason should prevail, and not light conclusions, even if they are the leaders of the state. And if the practice is based only on the principle of voluntarism. The history of such an approach will never be forgiven. Unequivocally, you can not give people and territories drink. For this, the determining factor is the will of the people inhabiting this territory, the same applies to the transmitted water area of the coastal seas and oceans. For this, the will and trust of the peoples must be the determining factor at all times. All that is done in politics against the people themselves will collapse. The communities received a vivid example of such a solution to the problem by Ukraine. History places the world order in places. So it was, and so it will be. This is regularity. Otherwise, this is a violation of such a social factor as the trust of the peoples of Crimea itself of Russia and they expressed their attitude to the All-Crimean referendum in 2014. No effort by the junta, the tricks of the NATO states in this case will solve the problem. Specifically, everything is based on one of the principles – consensus. He is not reached, it is difficult to obtain a legal solution. The will, even if it comes from three leaders, will be upset by the power of history. The author turns to one of the point problems – contacts between neighboring subjects in the modern sense – the Krasnodar Territory and the Crimea. In the center of these parallels is the city of Kerch, the city of metallurgists, seafarers, transport workers, builders, the city of science, proud of blacksmiths, as it was called in the distant past, the city of high culture, where cultures of whole civilizations intersect. In a concrete form, a scheme for the development of ties, joint life and struggle for preserving the integrity of the state, development of the areas of the Azov basin, cooperation and interaction, preservation of the environment, ecology, coastal trade, the origin and development of these relations in the 1920s. – 1930s. was reproduced. The author draws attention to all these directions, based on rich sources, identified and partially published in the multivolume that belonged to the OGPU and other services called to stand in the service of ensuring the security of the state and the peoples of its inhabitants. Today, Kerch is the City of Hero, and representatives of many peoples live there and work in it – Russian, Ukrainian, Crimean-Tatar, German,

источниках, выявленных и частично опубликованных в многотомнике, принадлежавших ОГПУ и другим службам, призванным стоять на страже обеспечения безопасности государства и народов его населяющих. Сегодня Керчь – «Город Герой». В нем живут и трудятся представители многих народов – русского, украинского, крымскотатарского, немецкого, греческого, болгарского, итальянского, караимов, армянского и др. Они вносят достойный вклад в сокровищницу Крыма, приумножая его экономический и духовный потенциал.

Ключевые слова: население, исторический процесс, экономика, культура, межэтнические отношения, история регионов, взаимосвязь, торговля

Greek, Bulgarian, Karaites, Armenian, etc. They make a worthy contribution to the Crimean treasury, multiplying its economic and spiritual potential.

Keywords: population, historical process, economy, culture, interethnic relations, regional history, interrelations, trad

Расположение по соседству названных субъектов г. Керчь, отличавшихся с давних времен в целом индустриальной направленностью экономики, в силу своего географического положения играло и играет заметную роль в развитии рыбной промышленности на Юге России как одного из направлений в первую очередь продовольственной программы государства. Эту миссию он выполняет на разных срезах исторического процесса.

Керчь как связующее начало выбрана не случайно. Опираясь на микроисторический метод исследования, предложенный Мишелем Фуко, а также положение его теории принудительной нормализации, мы имеем возможность «направить фокус исследования на конкретные группы исследования или институт и определить метод работы, который включает в себя максимально широкий анализ всего корпуса системных и устных источников» [2, с. 1]. В конкретном случае выступает город Керчь.

По имеющимся данным, с 1865 по 1897 г. население Крыма возросло со 194 до 547 тыс. чел., то есть почти в три раза. Наряду с переселенцами центральных губерний - русскими и украинцами - в составе населения Крыма были также немцы, крымские татары, болгары, греки, армяне, евреи, поляки, чехи и представители других этнических общностей. Наиболее заселенными были города Севастополь (только рабочих насчитывалось 5 тыс. чел.), Керчь (около 3,5 тыс. чел.), Симферополь (2,5 тыс. чел.), Феодосия (более 1 тыс. чел.) [3, с. 7]. Тенденция к возрастанию численности населения сохранялась. Это происходило за счет увеличения рабочего населения. На базе крупного месторождения железной руды, обнаруженного на Керченском полуострове, в 1845 г. начал работать чугуноплавильный завод, увеличилось количество рыболовных предприятий. К середине XIX в. население Керчи составило 13,6 тыс. человек.

Рис. 1. Керчь в прошлом.

Fig. 1. Kerch in the past.

Керчь как индустриальный и культурный центр имеет непосредственное отношение и к развитию морского пароходства, которое получило особо заметный рост после Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Несомненно, большим подспорьем контактам служили и имевшиеся связи между портом г. Керчи и портами на побережье Азовского моря и Керченского (Таманского) залива, каковыми как раз и выступают Тамань, пос. Сенная, Темрюк, Ейск и другие.

Рис. 2. Темрюк в прошлом.

Fig. 2. Temryuk in the past.

Все это не могло не содействовать развитию прибрежных промышленных зон, начало которым закладывалось уже в 1920-е годы. Керчь способствовала развитию этой сферы как в прибрежных районах Кубани, так и районах, окружавших и примыкавших к городу. Предназначение их было очевидным - собственное обслуживание, обеспечение продовольствием рабочих и служащих Керчи, непосредственно продовольственное снабжение населения.

Прибрежные районы в связи со сложными климатическими условиями с трудом справлялись с поставленной перед ними задачей по достижению больших урожаев. Малопродуктивная земля не содействовала этому, требовался большой вклад в улучшение ее структуры, повышение плодородия почвы. Слабым оставалось и техническое оснащение хозяйств.

Не хватало рабочей силы, квалифицированных кадров. Все это затрудняло реализацию мер, направленных на удовлетворение запросов населения г. Керчи. Уже в 1920-1930-е годы сказывалось в первую очередь отсутствие налаженной системы обеспечения населения продовольствием. В связи с этим на практике широко применялась такая форма организации труда, как отходничество, а также получила развитие и проводимая в ту пору программа вербовки рабочих разных специальностей для пополнения ресурсов отдаленных регионов страны, в частности Дальнего Востока, о. Сахалин, при которой рабочие совершали визиты в целях заработков друг к другу. Получила широкое распространение служба вербовки в портовых городах Юга России. Не были исключением в этом плане порты Керчь, Темрюк, Ейск и др.

Кстати, данная форма решения задач трудовой занятости в районах с переселенными рабочими ресурсами изучена недостаточно. Это в полной мере относится

и к рассматриваемому региону страны. К интересной проблеме обратились исследователи О.В. Залеская и И.Г. Актамов - китайские мигранты в золотодобывающей промышленности на Дальнем Востоке в 1920-1930-е годы. В совместной публикации авторами были определены подходы к изучению реализации таких исходных мер, как организация вербовки трудовых ресурсов, а также оценка последствий подобных мер. В итоге авторы приходят к выводу, согласно которому подобные действия ведут к неутешительным результатам, сопровождавшимся ростом правонарушений, связанных с игнорированием миграционных нормативно-правовых актов, возрастанию коррупции, разбоев. Эти негативные явления были характерными и для рыбной промышленности на Дальнем Востоке.

Как замечают исследователи, сказывалась на состоянии этой стороны жизни мигрантов, в том числе завербованных, применительно к региону и ситуация в советско-китайских отношениях, что зачастую не могло не замедлять темпы роста экономики на Дальнем Востоке в изучаемый период. Выработанные подходы к исследованию столь сложной проблемы для экономических отраслей Дальнего Востока, анализу притока и оттока завербованной рабочей силы, состоявшей в 1920-1930-х годах из китайцев, корейцев (от двух до нескольких тысяч человек), широко использовала в своей монографии «Китайские мигранты на Дальнем Востоке (1917-1938 гг.)» О.В. Залеская [Владивосток: Дальнаука, 2009].

Рис. 3. Современный индустриальный г. Керчь.

Fig. 3. The modern industrial Kerch.

Индустриальная Керчь, несомненно, подпитывала село как Крымского полуострова, так и прибрежных районов Краснодарского края. Крестьяне излишки своей выращенной продукции реализовывали на рынках г. Керчи, а в последующем проникали они и в Феодосию, Симферополь, Евпаторию, Севастополь. Однако главным потребителем выступала все-таки Керчь. Так было до 1917 г., такой же оставалась ситуации и после победы революции в октябре 1917 года.

Важную роль играло и то, что Керчь получала определенную возможность пополнения рабочих ресурсов страны, в первую очередь за счет станций Таманского полуострова - Старотитаровской, Вышестеблиевской, Ахтанизовской, пос. Сенной. Многие молодые парни и девушки убывали в Керчь, устраивались на работу на предприятиях города, трудились в коммунальной сфере, обслуживании населения города, его транспортной системе, пополняли персонал рабочих порта Керчь.

Разумеется, в разные периоды развития города эти связи носили неодинаковый характер, но тем не менее они никогда не прерывались. Более того, укреплялись и родственные связи, создавались новые молодые семьи.

Молодежь станиц также уезжала в города Крыма, в том числе в Керчь, на учебу по разным специальностям, пополняя в последующем отряд рабочих.

В связи с этим представляет определенный интерес то, каким образом менялся город Керчь, начиная с 1920-х годов, то есть по мере укрепления советской власти. Несомненно, самым сложным был период 1920-х годов. Ситуация постепенно обретала целенаправленный характер. Определялись и основные направления с выраженной ориентацией города - на развитие экономического сектора, возрождение культуры, которая приобретала ярко выраженные черты как культура местного населения Керчи, так и прибывавшего населения с территории Кубани, других регионов страны как на временное проживание, так и на постоянной основе.

Примечательно, что связи Керчи с Кубанью, особенно с ее Азовским побережьем, имели и свою особую историю отношений в прошлом и оберегали ее на всех последующих этапах.

Керчь как пролетарский центр сыграл огромную роль в распространении революционных идей в казачьих станицах, в первую очередь Таманского полуострова. Об этом свидетельствуют и многие исторические факты времен революционной поры Октября 1917 г., периода Гражданской войны, как и в последующее время.

Первые упоминания о деятельности революционных разночинцев на Кубани восходит к 1875 г., однако их работа проводилась, разумеется, значительно раньше, чем о ней становилось известно. Народнические кружки состояли в основном из переселенцев, прибывших из центральных губерний России, а также выселенных на Кавказ.

Непосредственно в Таманском казачьем отделе среди трудового люда вселял ненависть к правительству и духовенству, называя их грабителями и угнетателями, Е. Бондарев (он же Балакирев). Бондарев проживал в пос. Выше-Стеблиевском (сюда он прибыл из Керчи), а в станице Ахтанизовской содержал на имя купца Попова питейное заведение, где проходили многочисленные встречи с представителями трудового народа и проводились беседы крамольного содержания, направленные против самодержавного правительства. Слухи о содержании этих бесед распространялись и в станице Старо-Титаровской. Осведомлен об этом был и атаман станицы Апанасий Цокуренко.

Деятельность Бондарева (Балакирева) вскоре стала известной и в Третьем отделении царской охраны, и оно быстро откликнулось. Темрюкскому уездному начальнику было сделано строгое предписание «проверять деятельность Бондарева (Балакирева) в станицах отдела» и «не позволять ему впредь дерзких суждений о правительственных лицах и духовенстве». Однако работа революционеров-разночинцев, несмотря на угрозы со стороны Третьего отделения, не прекращалась, а разрасталась еще с большей силой.

Народники своей работой способствовали пробуждению политической активности масс и сами постепенно, перейдя на позиции марксизма, становились истинными пропагандистами большевистских кружков. Еще в конце XVIII в. распространение всяческих идей, брожение среди простых людей не могли не тревожить атамана станицы Тамань В.И. Толстопята (Товстопята).

В декабре 1905 г. и отдельский, и станичный атаманы получили заявки на командирование казаков в полицейскую стражу, в частности г. Керчь, населенный в ту пору главным образом русскими людьми. Здесь проживали также греки, болгары, итальянцы, армяне, караимы, крымчаки, группа крымских татар, евреи и др. После установления советской власти наряду с восстановлением экономического сектора в срочном порядке надо было заняться и решением таких задач, как налаживание культурно-просветительской работы среди населения, усиление межэтнических контактов, воспитание культуры межэтнического общения, возрождение родных языков, организация средств массовой информации и др. Были продолжены также тесные контакты между г. Керчь и станицами соседней казачьей области.

Для города оставалось характерным и наличие представителей разной веры, что также требовало повышенного внимания к церковникам, отношениям между конфессиями и внутри них, установлению диалога между конфессиями. В ту пору решение этих задач протекало в сложнейших условиях, то есть в условиях отсутствия единства даже в такой конфессии, как православие. Об этом свидетельствуют и многие документы того времени.

В Симферополе была выявлена группа реакционного духовенства, ведущая переписку с принудительно высланным в Нижний Новгород бывшим епископом Таврической епархии, для которого этой группой проводились пожертвования. В некоторых церквях поминают при богослужении имя Тихона и Никодима.

В Феодосийском и Керченском¹ округах развивается обновленческое движение². В Ялте закрыты три церкви, не имеющие прихода. В Георгиевском и Херсонском монастырях (Севастопольский округ) были произведены операции по изъятию святых церковных ценностей. В связи с изъятием арестован ряд лиц. Отмечается оживление среди социал-демократов, стремящихся к сплочению и организации своих кадров.

Для рассматриваемого периода в Крыму была отмечена и деятельность движения тихоновцев, полагавших, что подрывом материального положения обновленцев они будут наносить вред обновлению, пытались также насильственно захватить церковь. Эти проявления со стороны тихоновцев происходили и в Керчи. [7, с. 57, 134], и на Кубани. Они сеяли рознь между казаками и иногородними. В это время была ликвидирована партия «Цэрие Сион». В ближайшем будущем предстояло слушание процесса [5, с. 749].

Привлекает внимание в этом плане и другая информация от 26 марта 1923 г. о ситуации в православной церкви [5, с. 815]. Среди верующих Керчи замечено волнение вследствие постановления окружного исполкома о закрытии церкви при монастыре. Толпа верующих не позволила закрыть церковь и стала призывать на помощь проходящих граждан. Раздавались выкрики по адресу представителя окружного исполкома. Возникло подозрение, что толпа «подогревается» контрреволюционными элементами. В деятельности крымского духовенства процветала злостная антисоветская агитация. Были приняты меры к изоляции неблагонадежного элемента из Крыма.

Свои требования сформулировали и мусульмане Крыма. Еще 1 июля 1922 г. состоялся Всероссийский съезд мусульманского духовенства. Делегаты съезда отметили быстрый рост религиозного движения в деревне. Было направлено обращение в СНК, в котором говорилось об угнетенном положении мусульман, духовенства и излагалась просьба разрешить преподавание Корана в школах для мусульман, передать духовенству ЗАГСы [5, с. 904].

Применительно к Крыму обо всей ситуации в целом в Спецсводке от 23 марта 1923 г. констатировалось: «За отчетный период в деятельности крымского духовенства имела место усиленная злостная антисоветская агитация. Приняты меры к изоляции неблагонадежных элементов из Крыма...» [5, с. 815].

¹ Керчь в XX в. неоднократно меняла свой статус: центр градоначальства (вице-губернии); с 16 ноября 1920 г. – центр градоначальства, город уездного подчинения; с 25 декабря 1920 г. – уездный центр; с 8 января 1921 г. – уездный и районный (волостной) центр; с 18 октября 1921 г. – окружной и районный центр; с ноября 1923 г. – районный город; с 30 октября 1930 г. – «самостоятельная административная единица» Крымской АССР; с 1935 г. – город республиканского подчинения Крымской АССР. С июня 1937 г. – город особого подчинения Крымской АССР. (См.: подробно: *Бельский А.В.* Керчь и Керченский регион в XX в.: Административно-территориальный статус // URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/55315/11-Bielskyi.pdf?sequence=1> Дата обращения: 6 октября 2017.

² Обновленцы – члены организационно оформившегося в 1922 г. движения некоторых служителей, выступавших против патриарха Тихона и его сторонников – «тихоновцев». В 1923 – 1925 гг. обновленческую церковь возглавил архиепископ Могилевской губернии Константин (Бульчев). Основными группировками обновленцев были «Живая церковь» «Церковное возрождение», «Союз общин древне-апостольской церкви».

Трудности заключались и в том, что на практике зачастую духовенство работало повсеместно с группами националистов. Деятельность их усиливалась в июне-июле 1923 г., что было связано и со склоками среди татар-коммунистов. Милли-фирка (националисты) действовали открыто. Только в условиях деникинского режима переходили к работе в подпольной обстановке.

На работе сказались позитивно созданные XII съездом партии коммунистов установки по национальному вопросу. Была запрещена деятельность меньшевиков среди рабочих.

Отношения с церковью оставались натянутыми. В феврале 1928 г. было заметным сильное давление на население со стороны баптистов, входивших в основной Союз в центре. В связи с этим, а также по причине отказа ими в признании военной службы как обязательной общину в Керчи пришлось закрыть [10, с. 141].

Несомненно, возникает интерес, каким образом менялся г. Керчь начиная с 1920-х годов, то есть по мере упрочения советской власти. Надо признать, что самым сложным, как свидетельствуют об этом и документы, был период 1920-1930-х годов. Ситуация постепенно обретала целенаправленный характер. Определялись и основные ориентиры города в развитии экономики, возрождении культур народов, населяющих город. Все это приобретало ярко выраженные черты и у местного населения Керчи, а также прибывающих жителей с территории Кубани как на временное проживание, так и на постоянной основе.

Наряду с решением политических проблем остро стояли вопросы чисто социально порядка, связанные с улучшением жизни города и района, а также организацией экономического сектора, включавшего и промышленное производство, и аграрный сектор.

На апрель 1928 г. государственные рыбоорганизации Владивостока планировали завербовать недостающий производственный ресурс - 72 016 рабочих для рыбзаводов и рыбных промыслов. Однако к этому времени прибыли только 32 532 рабочих. Дисциплина этих контингентов оставалась не на высоте. Поэтому не случайно во Владивостоке были изолированы и размещены в бухте Диомид 200 рабочих. Среди них на этот раз было 58 представителей рабочих г. Керчь. Зачастую буйство этой группы доходило до вызова нарядов милиции [14, с. 756-758].

9 августа 1930 г. под грифом «совершенно секретно» появилась информация о бытовом положении рабочих, завербованных для промколонизации Дальневосточного края (данные на июль). Проходила акция по вербовке для предприятий рыбной промышленности о. Сахалин и Камчатки. Конечно, вопрос имеет свою историю. Вообще для 1920-1930-х годов характерным было для многих морских портов на западе СССР отправлять группами рабочих на заработки в восточные регионы страны, в частности в Камчатскую область, Дальневосточный край, о. Сахалин, которые постоянно испытывали острый недостаток рабочих ресурсов. Не была исключением в этом плане и Керчь. Из ее производственных коллективов отправлялись по линии вербовки группы рабочих почти ежегодно.

В 1930 г. очередная группа рабочих Керчи отправлялась на о. Сахалин с установленным размером заработной платы, определенными нормами обеспечения продовольствием на период переезда к месту назначения. Однако обещания были четко определены на бумаге, что же касается реального положения дел, то они фактически игнорировались (несвоевременное предоставление суточных, скученность в вагонах, несоблюдение санитарных норм, ненадежность питания рабочих, некачественные продукты питания и пр.).

И по месту прибытия обстановка оставалась аналогичной (отсутствие подготовленных помещений во Владивостоке (перевалочный пункт)), так же и в Александровске (о. Сахалин).

Во Владивостоке агенты по вербовке не справились с задачами обустройства рабочих, что не могло не вызвать справедливого возмущения. Не был продуман вопрос

организации питания рабочих на пароходах, следовавших к острову Сахалин. Все это приводило к вспышке различных заболеваний.

Не лучшим оставалось и положение завербованных рабочих г. Керчи. Помещения для их проживания также не были подготовлены. Вместо жилого помещения семьям рабочих предоставлялись склады. Неудовлетворительные условия для проживания обусловили высокую смертность. Только из прибывших в мае 1930 г. в Аннинск умерло 32 человека (преимущественно дети и подростки).

Не была продумана культурно-просветительская работа, что несколько не способствовало стабилизации ситуации, а, наоборот, создавало «нездоровое настроение среди значительной части рабочих-переселенцев» [12, с. 440-441], порождало антисоветские выпады. Итоги подобных кампаний, в которые были втянуты и керченские рабочие, оказались мало результативными. Из отправлявшихся 4 мая 1930 г. 750 рабочих возвратились во Владивосток. Из них из Керчи и из порта Темрюк было 400 человек. Уже в июне 1930 г. в названные порты возвратились более 300 рабочих [12, с. 440-441].

Даже в условиях острой нехватки рабочей силы отношение к мерам по обеспечению рабочих ресурсов со стороны соответствующих органов власти, курировавших данное направление, отличалось особым безразличием. Итоги не заставляли себя ждать.

Проблема с состоянием рабочих ресурсов в 1920-1930-е годы вызывала озабоченность и в Керчи, и в Керченском округе (районе). Несомненно, актуальным по-прежнему оставался вопрос об организации промышленной базы в городе, а тем самым, о создании дополнительных рабочих мест. Безработица непосредственно в Керчи была ощутимой. Такая ситуация содействовала проявлению бесконечных забастовок рабочих коллективов, и не только в Керчи. В Госинфорсводке ОГПУ от 5 апреля 1922 г. сообщалось о недовольстве в среде рабочих. Так, в Севастополе в этот период забастовали рабочие портового завода. Вспыхнула забастовка в Феодосии. Бастовали грузчики, занятые на разгрузке американских судов с продовольствием. Рабочие были недовольны формой оплаты труда.

Даже те предприятия в городе, которым можно было бы дать «вторую жизнь», простаивали по причине нехватки сырья. Не было и речи не только о полной загрузке предприятия, но и о частичной. Поэтому работа носила исключительно временный характер. В значительной мере это касалось сезонных полевых работ, в которых были задействованы и рабочие предприятия. В масштабе же области в 1923 г. безработица составляла 8 тыс. рабочих [5, с. 866].

В Керченском округе не удавалось наладить работу на полную мощность даже на соляных приисках. Условия работы были тяжелыми, оснащенность прииска - крайне низкой [5, с. 694].

Постоянные возмущения со стороны рабочих по причинам невыплаты заработной платы становились нормой жизни. Все это выступало повсеместно основой недовольства социального характера.

Одним словом, в послевоенных условиях 1920-х годов постепенно восстанавливалась и отстраивалась новая промышленная база в регионе. В этой ситуации и сами рабочие коллективы занимались поиском механизмов улучшения условий труда и повышения производительности. Не случайно рабочие ратовали за введение в производственный процесс социалистического соревнования. Дело в том, что на предприятиях Керчи, по сравнению с другими городами СССР, очень слабо внедрялась система соревнования, сказывалось недостаточное внимание к организации соцсоревнования среди рабочих коллективов города. С одной стороны, это был итог слабой постановки разъяснительной работы, а с другой - наличие в рабочей среде антисоветских настроений, особенно бытующих на сезонных работах.

От этого испытывали определенные неудобства рабочие коллективы. Такая ситуация оставалась характерной для Керчи. Именно об этих фактах поведал Обзор о политическом состоянии в СССР, подготовленный в июне 1929 г. за подписью председателя ОГПУ Генриха Ягоды. Содержание документа позволяет сделать вывод, что

рабочие города не были подготовлены к участию в социалистическом соревновании [11, с. 322, 280-332].

Конечно, лучшей организацией труда отличался в конце 1920-х - 1930-е годы Керченский госметзавод. Рабочие всех предприятий активно участвовали в проведении продовольственных кампаний, в осуществлении подписки на государственный заем в целях улучшения обстановки на промышленных предприятиях.

Особенность продкампаний применительно к Крыму состояла в том, что почти во всех округах она неорганизованно проводилась кулацкими элементами. Правда, она «не имела особого влияния и на крестьян». Выигрывали в этом плане только продинспекторы, которые «за взятки освобождали кулаков от налогов, перекладывая их на бедноту». Поэтому не случайно появление здесь множества обвинений во взяточничестве. Об этом же говорится и в ряде спецсводок ОГПУ за 1922 г. [5, с. 883].

Все-таки в рассматриваемый период в Керченской зоне аграрный сектор реально находился в бедственном состоянии, хотя и составлял экономическую основу Керченского округа (района), и в нем была занята значительная часть населения. Одновременно округ испытывал острую потребность в воде в силу специфических природных условий полуострова. Большой ущерб несло орошаемое хозяйство. Подспорьем в аграрной зоне были частично и приусадебное хозяйство, и владение огородами вне городской черты.

Коллективные хозяйства отличались бедностью и скудостью технической базы. Постоянно ощущалась нехватка продовольствия. Как известно, зачастую к решению этого вопроса привлекались и рабочие города, участвовавшие в продовольственных кампаниях по заготовке хлеба. В Обзоре о политико-экономическом состоянии в СССР (июль-август 1923 г.) констатировалось, что в этих условиях «экономически сильное кулачество стремилось к полной власти в деревне. Слабость местных органов власти, а также влияние духовенства, особенно мусульманского, создали почву для стремления этих слоев к восстанию этой деревни против советской власти» в Крыму [5, с. 895].

По причине разного рола происков против Советов высылали наряду с кулаками и помещиков-татар. Принудительному переселению подвергалась в этот период и группа членов кооператива «Шаркет», проявлявшая активную заботу об оставлении высылаемых с территории Крыма помещиков-татар. Тем не менее влияние кооператива на татарские массы заметно ослабевало. В информации по национальному вопросу Постановления XII съезда партии по национальному вопросу проводились успешно в жизнь, «особенно в направлении открытия школ 1-й ступени». Об этом дается подробная информация и в Обзоре политико-экономического состояния СССР (ноябрь - декабрь 1923 г.) [5, с. 974].

Поставкой натуральной продукции на рынки города занимались и крестьяне ближайше расположенных районов Северо-Кавказского края. Это сектор расширялся заметно в последующее время.

Острые баталии возникали и на почве недопоставок на рынок морепродуктов, особенно неналаженности торговли рыбой по государственной линии («Союзрыба»). Зачастую это вызывало недовольство населения. Эти факты также имеют подтверждение в источниках. В митингах по этому поводу участвовало до 300 человек.

Решение продовольственной проблемы было сложной задачей и для других округов Крыма. Наряду с Керченским округом неурожаи были и в других местах. Так, урожай в Евпаторийском районе (Крым) составлял: обмолот ржи - 9.3 пуд., овса - 8.7 пуд., пшеницы - 11 пуд. (яровой); в Севастопольском районе: овес - 7 пуд., ячмень - 6 пуд. с десятины, остальные культуры - свыше 30 пуд. с дес.; в Бахчисарайском районе: яровой ячмень - 6,3 пуд., овес - 13 пуд., остальные культуры - 18-28 пуд. с десятины. [6, с. 187].

На состоянии аграрного сектора сказались и последующие неурожаи, и падеж рогатого скота, что повлекло острую нехватку в первую очередь хлеба. Все это было следствием отсутствия урожая во многих деревнях, включая и Керченский район. Так, в деревне Атап-Альчи урожай собрали только 3-4 хозяйства. Многие отправлялись в

соседние губернии в поисках хлеба. В городах, в том числе и Керчи, у магазинов выстраивались длинные очереди [10, с. 236, 492, 540].

Хозяйственный государственный сектор находился в таком состоянии: на октябрь 1931 г. в Крыму коллективизация достигла 84%.

Очередной этап развития отношений между Крымской АССР и прибрежными районами Краснодарского края приходится на вторую половину 1920-х годов. В данном случае конкретно был задействован Темрюкский район. Проблема касалась горских евреев.

Одним из важнейших принципов решения национального вопроса в тот период партия коммунистов считала создание национальной государственности многих этнических общностей на территории страны. Касалось это и еврейской общности в Союзе ССР, поселения которой в дореволюционной России ограничивалось «чертой оседлости».

Воплощением идеи переселения евреев в более «удобные» регионы страны и созданием автономии этнической общности занимались начиная с 1920-х годов специально создаваемые Государственный комитет по земельному устройству еврейских трудящихся при Президиуме Советов национальностей ЦИК СССР (КомЗЕТ), возглавлял который П.Г. Смидович, и Общественный комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (ОЗЕТ) во главе с Ю. Лариным (М.А. Лурье).

Именно Ю. Лариным разрабатывалась идея организации Еврейской республики в Крыму и поселения на ее территории для создания большинства в этом районе 280 тыс. евреев. В тот период подобных проектов было множество. В ноябре 1923 г. появился проект руководителя еврейской секции РКП(б) А. Брагина, предложившего образовать автономную область евреев на территории Северного Крыма, степной и южной полосы Украины и Черноморского побережья Кавказа вплоть до границ Абхазии. Как отмечается в сводках Европейского телеграфного агентства (ЕТА) за 20 февраля 1924 г., тогдашние лидеры партии Л. Троцкий и Л. Каменев, Н. Бухарин и А. Цюрупа одобрили этот проект.

Однако против проекта выступил Нарком земледелия А. Смирнов, усмотревший в таком решении вопроса угрозу обострения межнациональных отношений в регионе предполагаемого расселения. Проект о создании автономии еврейского народа на землях юга был отклонен, однако миграция евреев как в Крым, так и на юг Украины уже шла. Для 80 тыс. новоселов из евреев, прибывших из западных районов страны, из-за так называемой «черты оседлости», было выделено из земельных фондов Украины и Крыма 320 тыс. дес. земли.

В 1924 г. в целях расселения евреев было отведено 386 тыс. дес. земли в Херсонском, 7200 тыс. дес. в Криворожском округах. В письме, направленном в Наркомзем Украинской ССР за подписью председателя КОМЗЕТ П. Смидовича, читаем: «КомЗЕТ просит Наркомзем Украины для дальнейшего землеустройства трудящихся евреев выделить еще 126 тыс. дес. удобной для пользования земли, чтобы эти земли могли быть заселенными трудящимися евреями в 1925-1927 гг. План постепенно выполнялся».

Вероятно, что КомЗЕТ планировал в случае недостатка земель для переселявшихся на юг евреев иметь и запасные варианты. Главная роль в этом запасном варианте отводилась Темрюкскому району Северо-Кавказского края.

Наркомземом по согласованию с КомЗЕТОм намечалось выделить на Черноморском побережье (район Сочи) 10 тыс. десятин, а также земельные массивы у г. Туапсе, Геленджика и переселить туда горских евреев (из Грозного, Куба Азербайджанской ССР и др. мест) - около 60 тыс. человек еврейского земледельческого населения. Евреи имели опыт ведения сельского хозяйства в горных районах. В первой половине февраля 1926 г. этими вопросами занималась специальная комиссия Политбюро ЦК ВКП(б). Главной ее задачей было как выявление районов для расселения еврейского населения на территории Союза ССР, так и его землеустройство.

Однако в не совсем нормальной обстановке протекали подобные задумки центра. Переселение в Крым евреев вызвало недовольство коренного крымского населения

(русских, крымских татар). «Кулацкие и зажиточные элементы, а местами и представители национальной интеллигенции, - читаем в «Обзоре политического состояния Союза ССР» за апрель 1927 г. (по данным ОГПУ), - еще больше разжигают неприязнь коренного населения к евреям-переселенцам, распространяя слухи о том, что Крым скоро станет Еврейской республикой (Джанкойский, Симферопольский и другие районы). Антисемитизм имел место также среди советских работников, особенно татар (Джанкойский район)» [9, с. 330].

В регионах проживания еврейских переселенцев и в 1928 г. обстановка оставалась напряженной. Из «Обзора политического состояния Союза ССР» за март 1928 г. (по данным ОГПУ) узнаем: выходцы из местных кулаков и зажиточных крестьян совершали нападения на еврейские переселенческие участки в Джанкое и других городах, создавали экстремальную ситуацию, разрешение которой не обходилось без привлечения сил правоохранительных органов власти.

Несомненно, эти обстоятельства ослабили стремление к переезду евреев в Крым, как и на Таманской полуостров. Постепенно отпала сама идея создания в Крыму, с предполагавшимся «прихватом» Темрюкского района, Еврейской автономной республики. Во второй половине 1920-х годов также был представлен план создания республики на базе Сальского округа Северо-Кавказского края и, наконец, на территории районов Дальнего Востока. Именно последним проектом завершилась кампания по расселению евреев и созданию государственности этой этнической общности на территории Союза ССР.

По согласованию с представителями созданных обществ по переселению евреев, спонсорами, в частности с американским бизнесменом Вильямсом, во второй половине 1920-х годов была определена территория для образования Еврейской автономии - в районе станции Тихонькая (Биробиджан), хотя до 1928 г. здесь не проживало ни одного еврея. Создание автономии еврейского народа пришлось на период утверждения тоталитарных методов в проведении национальной политики в Союзе ССР, когда был взят курс на «великие переселения». Пропаганда объясняла необходимость переселений исключительно гуманитарными целями, а также потребностью разгрузки отдельных районов от избыточной рабочей силы, задачами освоения новых экономических регионов. В 1934 г. была образована Еврейская автономная область. Население ее составило 7 тыс. человек. За два года численность его возросла до 23 тыс. человек.

Таким образом, Темрюкский район составил одну из страниц в истории Еврейской автономной области и еврейской общности на территории Союза ССР, а Крым в этой ситуации выполнял роль связующего элемента.

В конце 1920-х годов большей активностью отличалась работа бедноты и середнячества Керченского района. Бедняки с чувством ответственности относились к проводимым кампаниям по хлебозаготовкам. «Сейчас (1929 г.) нам необходимо сдать государству, - заявляли середняки и бедняки деревни Булганак Керченского района, - как можно больше хлеба ввиду того, что китайские бандиты готовят наступление на СССР» [11, с. 360].

Крестьяне Булганак на своем сходе постановили «к 15 августа 1929 г. сдать все излишки хлеба, доставить их в Керчь красным обозом» [11, с. 360].

Аналогичные резолюции принимались и в других деревнях района. Разумеется, эти действия со стороны крестьянства встречало энергичное противодействие со стороны местного кулачества, на вооружении которого оставались лозунги и распространение разных провокационных слухов о войне, скором поражении советской власти. Повсеместно звучал призыв кулачества «не давать хлеба государству» [11, с. 350].

На местах сказывалась низкая активность советских органов власти, действовавших кооперативов.

Тормозом успешности хлебозаготовок выступало и бездействие местного аппарата, выражавшееся в несвоевременной заготовке необходимых сельхозмашин (Керченский район), и запаздывание с распределением норм подлежащих к сдаче хлебных излишков по деревням (Карасубазарский район).

Наряду с агитацией в отдельных населенных пунктах (Керченский и Севастопольский районы) кулачество учиняло срывы собраний, запугивание бедноты, которая поддерживала мероприятия власти по землеформе, а также отказывалась от уплаты причитающихся с них средств на землеустройство. Крестьянство призывалось к отказу от контрактации и продажи хлеба на частном рынке (Евпаторийский и Феодосийский районы).

Сказывались на ситуации землеустройства и межэтнические претензии и противоречия, выражавшиеся в нападках на земельную комиссию и требовавшие от нее не наделять землей немцев, татар и обратно русских (Джанкойский, Севастопольский и Керченский районы) [11, с. 401-402].

Тем не менее в сентябре 1929 г. в Крыму было заготовлено 2300,2 тыс. пуд. зерна. По Керченскому району заготовки составили 23,5 тыс. пуд. Председатель сельского Либкнехтского совета Керченского района в отношении 13 «лишенцев», не выполнивших самообязательства, «никаких мер к ним не принял» [12, с. 457].

Следует отметить, что замечание по поводу безынициативности на местах в Крыму в проведении заготовок делалось и Центром. По этому поводу в «Обзоре о политическом состоянии СССР» весной 1929 г. читаем: «Недовольство безработных на почве производственных затруднений (приравнивание хлебоснабжения к служащим, неурегулированность порядка выдачи хлебобудовых и пр.) имели место в Грузии, в городах Крымской АССР, Костроме и Семипалатинске» [12, с. 181].

Судя по всему, сказывалось и то, что только в феврале 1929 г. было утверждено ВЦИК и СНК «Положение о земельной реформе и сплошном обязательном землеустройстве в Крымской АССР в целях устранения документально в пределах Крымской АССР неправильного применения начал трудового землепользования, вследствие которого оказались значительные излишки земель у верхушечных слоев кулацкой части деревни» [12, с. 618].

Крестьянство все больше смыкалось с рабочими и занималось поиском путей сближения в решении первоочередных задач поднятия экономики государства, улучшения своего положения. В марте крестьянин от имени колхозников обратился к секретарю рабочего комитета Госморзавода г. Керчи с письмом и просьбой протестовать против раскулаченных.

Беднота выражала доверие рабочим. «Вы рабочие - основа всего строительства, к вам просьба - обратиться с воззванием к другим заводам и рабочим, а также во ЦИК, чтобы потушить этот огонь в скором времени, дабы не дать начатое нами дело молодой республики на посмешище иностранной буржуазии и нашим врагам» [12, с. 160].

Вероятно, обращение было связано с проводимой коллективизацией и раскулачиванием. Ликвидация во многих случаях кулачества проводилась через низовой советский аппарат без привлечения бедняцко-среднекрестьянских масс. Находил широкое применение метод голого администрирования. В деревне Марфовка Керченского района в момент выселения кулаков из деревни у сельпо собралась толпа около 600 человек, провожавшая арестованных с плачем и криками [13, с. 1314-1315].

Важным событием политической жизни в 1927-1928 гг. явилась подготовка в масштабе области к выборам в Советы. Это мероприятие было своеобразной лакмусовой бумажкой на проверку сознательности граждан, их отношения к власти, к тем преобразованиям, которые происходили во всех сферах хозяйствования. На территории области разворачивалась острая политическая борьба за право иметь место в органах власти. В Керченском районе получает распространение движение лишенных избирательских прав - кулаков, зажиточных элементов. Все свои усилия они сосредоточивали для продвижения своих представителей в Советы. Подобные акции характерны для Симферопольского, Феодосийского и других районов. Ситуация была проанализирована и нашла отражение в «Обзоре о политическом состоянии в СССР» за февраль 1927 г., подготовленный ОГПУ.

Зачастую итоги этих акций для кулаков носили положительный характер. В ходе избирательной кампании было выявлено более 20 случаев проникновения через выборы в Совет кулаков и представителей других зажиточных слоев [10, с. 586, 644]

В ходе выборной кампании в с. Апукское Керченского района кулаки входили в блок с мусульманством и активно включались в агитационную кампанию за выборы своего представителя в местном Совете. Вели в связи с этим агитацию и в среде бедноты.

Не были в стороне и кулаки дер. Марфовки, выступившие на предвыборном сходе против списка фракции коммунистов. Этому влиянию поддавалась группа середняков, покинувшая собрание.

Кулаки деревни Кипчак также занимались агитацией, уверяя население в том, что якобы уже проходит мобилизация, призывников отправляют на Польский фронт [9, с. 548, 598]. Этим же были заняты и кулаки деревни Ленинское.

Одновременно велась активная агитация и за создание Крестьянского союза в деревне Узун-Айя Керченского района (где проживало болгарское население). Крестьян призывали объединиться в союз и вести борьбу за свои права. Союз должен был отстаивать интересы рабочих и крестьян. Несомненно, для органов власти было характерным свое отношение к крестьянским союзам, которые выступали некоторой помехой проведению более упрощенного управления процессами развития государственности.

Тем не менее вопрос о создании крестьянских союзов находил поддержку у болгарского и немецкого населения [9, с. 479].

Крестьянские союзы получили частичную поддержку и на территории Крыма. Близ станции Сетлер была попытка организации крестьянского союза, ставившего цель сплотить крестьянство [10, с. 458].

В России болгары пережили и Великий Октябрь 1917 г., и Гражданскую войну 1918-1920-х годов. Местами их расселения становились Бессарабия, Украина, Крымский полуостров и регионы Северного Кавказа. Одним словом, селились болгары главным образом на территориях родственных им по менталитету славянских народов.

С деревней Марфовка Керченского уезда во многом связана судьба болгар, которые проживали в Крыму, затем также подвергались коллективизации в 1920-е годы, принудительному переселению в 1940-е, возвращению некоторых из них в бывшее родным село.

Очередное поколение болгар среди многих представляли на территории Крыма в 1920-е годы Иван Георгиевич Арабаджиев и его супруга Акулина Афанасьевна Пеева, проживавшие в селе Марфовке, что расположено близ Керчи. В селе болгары проживали в 500 дворах. Отец с тремя сыновьями еще до революции, получив земельные участки, выделились из села, построили свою огромную усадьбу. Одним словом, семья Арабаджиевых особо материально не страдала и не была ущемлена.

В 1918 г. в их семье родился очередной ребенок, нареченный Марфой, то ли в честь названия села Марфовка, то ли в честь родственницы, которую, кроме родителей, мало кто помнил. К сожалению, время было сложным, и даже по исполнению Марфе семи лет ее так и не отправили в школу. «Отношения в кулацкой семье, - вспоминала Марфа Ивановна, - были жесткими. Отец постоянно боролся за приумножение богатства своей семьи». Накопление богатства становилось нормой и правилом жизни болгарских семей, остальное было не в счет. Детство Марфы прошло в труде, а фактически этого детства-то как такового и не было...

Однако курс, взятый Советами на коллективизацию, объявленный в Советском Союзе во второй половине 1920-х годов в качестве магистральной хозяйственной политики на селе, привел к тому, что семья Арабаджиева была причислена к зажиточным кулакам, хотя они и не эксплуатировали чьего-либо труда, а в своем хозяйстве работы выполняли собственными силами. Тем не менее были конфискованы 250 голов овец, 4 лошади, а также много зерна. В усадьбе, по словам Марфы, имелся двухэтажный амбар.

Под статус зажиточных кулаков попадали и многие другие граждане в Крымской области, например болгарин Демьян Палаев и др., пробывшие долгие годы в ссылке в

Архангельской области. Они отправлялись в ссылку из сел. Туйгуч (Маякский район), а болгары в этом селе проживали в 80 дворах.

Конец 1930-х годов не привел к каким-либо послаблениям в жизни сельчан. Первая половина 1930-х годов была вплотную связана с колхозным строительством. И там, в Марфовке, пришлось пережить новую настоящую беду - жесточайший голод 1933 года. «Мне уже было 15 лет, я хорошо помню это время. Трудились все, от мала до велика, на прополке хлопка, а затем и сборке урожая. Работали с усердием и даже перевыполняли установленные для нас трудовые задания».

Трудились в колхозе, который возглавлял председатель Хортополь, имевший богатый опыт организаторской работы, а в последующем один из участников партизанского движения на полуострове. В колхозе трудились и все члены семьи председателя.

В 1930-е годы осложнилась обстановка в Крымской области. «"Черный ворон", - констатировала Марфа Ивановна, - все чаще стал появляться на улицах нашего села, но все больше предъявлялись претензии к интеллигенции, нас, простых людей, не трогали». По всей стране борьба с врагами социализма набирала силу и принимала ожесточенный характер.

В селе появились слухи о том, что всем болгарам предстоит переселение. Марфа Ивановна считает, что утверждение в литературе о якобы «тайной подготовке к переселению болгар и о незнании этих планов правительства населением» не соответствует действительности. Население задолго до реализации этих коварных планов было осведомлено. Каким образом? «Что касается нашей семьи, - замечает Марфа Ивановна, - то у моей сестры свекровь была подпольщицей, она и проинформировала нас о предстоящем переселении» [1, с. 21-23].

Определенные неудобства для рабочих, как и жителей деревни, создавали проводимые кампании по подписке на заем. Об одной из таких политических кампаний, проходившей под лозунгом «Пятилетка в четыре года!», от 2 сентября 1930 г. применительно к Керчи отмечается, что в городе кампания разворачивалась при низком уровне разъяснительной работы (с 15 августа 1930 г.). Поэтому в ходе ее проведения были подписаны на заем только 2 - 3% рабочих цехов Керченского госметзавода [12, с. 476].

Все это было итогом подмены разъяснительной работы мерами административного воздействия. При этом полностью отрицается принцип добровольности.

Коренные изменения и меры, связанные с переводом экономики на рельсы нового хозяйствования, несомненно, сопровождалась разнузданной борьбой несогласных с преобразованиями советской власти. Эти события охватывали как город, так и село. Движение выливалось в открытую форму бандитизма, формирование вооруженных соединений, готовых в любое время выступить против Советов.

Необходимо было противопоставить этим силам альтернативу. И эта задача решалась, в том числе и на территории Крыма, вплоть до конца 1920-х годов, как частично и в последующем.

Одним словом, бандитизм не обошел Крымскую АССР стороной. Разумеется, контингента воинских частей не хватало, да и с той организацией военного дела, в каком виде оно было представлено в начале 1920-х годов, вряд ли можно было справиться в короткие сроки с этим негативным явлением. Советские воинские части в реальности отличались отсутствием подготовленных политических и мусульманских работников, слабо поставленной культурно-просветительской работой ячеек, низким уровнем материального обеспечения.

Наносился вред и действиями разного рода политических партий, которые прежде всего преследовали свои цели. Поэтому обращалось внимание и на эту сторону жизни многонационального сообщества на территории республики. Постепенно уходила в небытие партия меньшевиков (ее остатки в республике составили 59 человек) [5, с. 875-878]. Эта же судьба постигла партию левых эсеров в Крыму, а также другие партии.

Экономические трудности пополняли арсенал альтернативных сил революционным преобразованием. Попытки укомплектовать свои ряды не увенчались успехом. Тактика, выраженная в некоторых схемах, включавших и трудное состояние экономики в 1922-1923 гг., не удалась [5, с. 115].

По имеющимся сведениям, весной 1923 г. в Крыму и на Украине действовали 47 соединений бандитствующих элементов, насчитывавших 460 штыков [5, с. 979].

На территории Керченского округа в этот период (февраль 1923 г.) оставалась банда Альберта, действовавшая в дер. Баксан в 15 верстах юго-западнее Караш-Бакер, в составе 12 человек [4, с. 115]

Борьба с бандитизмом продолжалась и в середине 1920-х годов. В «Обзоре о политическом состоянии в СССР» ОГПУ от 18 июля 1924 г. констатировалось, что в июне 1924 г. в Крыму была ликвидирована монархическая организация, ориентированная на князя Николая Николаевича и включавшая в состав кулаков, бывших унтер-офицеров [6, с. 131]. Целью организации была подготовка восстания для содействия силам, выступавшим против революционных преобразований.

По мере улучшения обстановки на местах бандитизм в республике заметно сокращался. В этой связи было бы целесообразным обратиться к политическим силам, создававшим новое общество, ставивших своей программой возрождение государственности, консолидацию народов, осуществление преобразований. Конечно, в республике партийная организация РКП(б) пока еще не представляла внушительную силу, тем не менее влияние коммунистов было ощутимым.

Численность их рядов в 1920-1930-х годах постепенно увеличивалась. Аппарат партии в республике (городское население составляло 380,5 тыс. чел.; сельское - 410 тыс. чел.) на середину 1935 г. включал 4 горкома, 35 райкомов с общим числом коммунистов в области - 7830 человек. [Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 7. Д. 187. Л. 86].

Итак, число коммунистов возрастало. По имеющимся данным, в республике на январь 1936 г. всего в организациях было 15 056 коммунистов и кандидатов в члены партии, из них: коммунистов - 10 936 человек, а кандидатов в члены партии - 4120 человек. По национальному составу было: крымских татар - 2877 человек, из них коммунистов - 1311, кандидатов в члены партии - 858, сочувствовавших ВКП(б) - 608; немцев - 4295, из них коммунистов - 3104, кандидатов в члены партии - 1191 человек [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 190. Л. 45].

К 1937 г. в организации как коммунистов, так и кандидатов в члены партии, по данным Статуправления ЦК ВКП(б), было представлено: русских - 620 человек, из них коммунистов - 594 чел., кандидатов в члены партии - 26; татар крымских - 3592 чел., из них коммунистов - 2206, кандидатов в члены партии - 1386; немцев: 194 - 70 - 124; греков: 220 - 56 - 164; болгар: 83 - 21 - 62; евреев: 1504 - 340 - 1164; крымчаков: 84 - 33 - 51; караимов: 38, из них коммунистов - 19 и кандидатов в члены партии - 19 [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 1314. Л. 46]

В 1938 г. статистика выглядела несколько иначе. Вероятно, политически вихри 1937 г. содействовали сокращению республиканской партийной организации. В рядах партии было представлено: русских - 739 человек, из них - 623 коммуниста, 106 - кандидатов в члены партии; евреев соответственно: 118 - 94 - 24; немцев: 165 - 62 - 213; крымских татар: 1262 - 836 - 326 человек [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 190. Л. 45].

Обращение к истории Керчи в 1920-1930-е годы позволяет сделать выводы, прежде всего, о народах, населяющих этот город с его давними традициями, высокой степенью патриотизма, бережным отношением к прошлой истории, накопленному опыту поколений. Все это было продемонстрировано в реальности как в годы революционной борьбы и Гражданской войны, так и в годы Великой Отечественной войны особенно.

По нашему глубокому убеждению, Городу-герою Керчи не повезло. За четверть века под «мудрым» руководством режима Украины он приобрел удручающий вид, 600-метровой длины главный проспект не раскрывает его героической сущности.

Город нуждается в инвестициях, ему нужны спонсоры. Неплохо было бы Москве взять над ним шефство, хотя бы лет на десять, и помочь восстановить лицо Города-героя России.

Несомненно, важная роль отводится и человеческому фактору. Многое зависит от тех, кто проживает в городе. Необходим их вклад и старания, любовь к своему городу. Пока же мы видим неухоженные скверы и парки, запустение во дворах, неудобные пешеходные тротуары, а в целом их отсутствие (р-н ул. Пошивальникова и др.). Все это требует особого внимания. Город заслуживает того, чтобы в нем дышалось легко, чтобы каждый путник желал снова и снова возвратиться в этот южный, теплый и приветливый Город-герой - Керчь.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ ГОРОДУ КЕРЧИ ПОЧЕТНОГО ЗВАНИЯ «ГОРОД-ГЕРОЙ»:

«За выдающиеся заслуги перед Родиной, массовый героизм, мужество и стойкость, проявленные трудящимися Керчи и воинами Советской Армии, Военно-Морского Флота и авиации в годы Великой Отечественной войны, и в ознаменование 30-летия разгрома фашистских войск при освобождении Крыма присвоить городу Керчи почетное звание «Город-герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

*Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ
Москва, Кремль, 14 сентября 1973 г.»*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бугай Н.Ф.* Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее. М., 2014. С. 21–33.
2. *Котлярчук А.* «В кузнице Сталина». Шведские коммунисты Украины в тоталитарных экспериментах XX века. М., 2012. С. 21
3. Очерки истории Крымской областной партийной организации. Симферополь, 1981. С.7
4. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. О положении в стране (1922 – 1934 гг.). Т. 1. Ч. 1. М., 2001. С. 491
5. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. О положении в стране (1922 – 1934 гг.). Т. 1. Ч. 2. М., 2001. С. 1104
6. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. О положении в стране (1922 – 1934 гг.). Т. 2. М., 2001. С. 512.
7. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. О положении в стране (1922 – 1934 гг.). Т. 3. Ч. 1. М., 2002. С. 496.
8. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. О положении в стране (1922 – 1934 гг.). Т. 3. Ч. 2. М., 2002. С. 968.
9. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. О положении в стране (1922 – 1934 гг.). Т. 5. М., 2003. С. 800.
10. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. О положении в стране (1922 – 1934 гг.). Т. 6. М., 2002. С. 697.
11. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. О положении в стране (1922 – 1934 гг.). Т. 7. М., 2004. С. 786.
12. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. О положении в стране (1922 – 1934 гг.). Т. 8. Ч. 1. М., 2008. С. 864.
13. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. О положении в стране (1922 – 1934 гг.). Т. 8. Ч. 2. М., 2008. С. 1738.
14. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. О положении в стране (1922 – 1934 гг.). Т. 9. М., 2013. С. 896.
15. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. О положении в стране (1922 – 1934 гг.). Т. 10. Ч. 1,2, 3. М., 2017

REFERENCES

1. Bugay N.F. Kavkaz. Etnicheskiye men'shinstva: proshloye i nastoyashcheye. [Caucasus. Ethnic minorities: past and present]. M., 2014. Pp. 21-33.
2. Kotlyarchuk A. «V kuznitse Stalina». Shvedskiye kommunisty Ukrainy v totalitarnykh eksperimენტakh XX veka ["In the forge of Stalin." The Swedish Communists of Ukraine in the totalitarian experiments of the twentieth century]. M., 2012. P. 21
3. Essays on the history of the Crimean regional party organization. Simferopol, 1981. P.7
4. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922 – 1934 gg.). T. 1. Part 1. M., 2001. From 491
5. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922 – 1934 gg.). T. 1. Part 2. M., 2001. P. 1104
6. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922 – 1934 gg.). T. 2. M., 2001. P. 512.
7. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922 – 1934 gg.). T. 3. Ch. 1. M., 2002. S. 496.
8. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922 – 1934 gg.). T. 3. Ch. 2. M., 2002. P. 968.
9. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922 – 1934 gg.). T. 5. M., 2003. P. 800.
10. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922 – 1934 gg.). T. 6. M., 2002. P. 697.
11. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922 – 1934 gg.). T. 7. M., 2004. P. 786.
12. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922 – 1934 gg.). T. 8. Ch. 1. M., 2008. P. 864.
13. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922 – 1934 gg.). T. 8. Ch. 2. M., 2008. P. 1738.
14. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922 – 1934 gg.). T. 9. M., 2013. P. 896.
15. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922 – 1934 gg.). T. 10. Ч, 1,2, 3. M., 2017

Информация об авторе:

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации III класса,
г. Москва, Россия
nikolay401@yandex.ru

Получена: 17.01.2018

Для цитирования: Бугай Н.Ф. Крым – Керчь – Краснодарский край: общность судеб, единые интересы, трансформации, цели. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 1. с.11-27.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-11-27.

Information about the author:

Nikolai F. Bugai, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Scientific Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, State Class III Counselor of the Russian Federation, Moscow, Russia
nikolay401@yandex.ru

Received: 17.01.2018

For citation: Bugai N.F. Crimea – Kerch – Krasnodar region: community of destinies, common interests, transformations, goals. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.1. Pp. 11-27.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-11-27. (in Russ)